

Владимир Одоевский - Русские ночи

Ночь первая. Ночь вторая

Было уже четыре часа утра, когда в комнату Фауста ввалилась толпа молодых приятелей — не то философов, не то прожигателей жизни. Им казалось, что Фауст знает все. Не зря он удивлял всех своими манерами и пренебрегал светскими приличиями и предрассудками. Фауст встретил друзей по обыкновению небритым, в кресле, с черной кошкой в руках. Однако рассуждать о смысле жизни и назначении человека в такое время он отказался. Пришлось продолжить беседу в следующую полночь. Фауст вспомнил притчу о слепом, глухом и немом нищем, который потерял золотой. Тщетно проискав его, нищий вернулся домой и лег на свое каменное ложе. И тут монета вдруг выскользнула из-за пазухи и скатилась за камни. Так и мы порой, продолжал Фауст, похожи на этого слепого, ибо не только не понимаем мир, но даже и друг друга, не отличаем правду от лжи, гения художника от безумца.

Ночь третья

Мир полон чудаков, каждый из которых способен рассказать удивительную историю. В жаркий день в Неаполе молодой человек в лавке антиквара встретил незнакомца в напудренном парике, в старом кафтане, разглядывавшего архитектурные гравюры. Чтобы познакомиться с ним, посоветовал ему взглянуть на проекты архитектора Пиранези: циклопические дворцы, пещеры, превращенные в замки, бесконечные своды, темницы... Увидев книгу, старик с ужасом отскочил: «Закройте, закройте эту проклятую книгу!» Это и был архитектор Пиранези. Он создал грандиозные проекты, но не смог воплотить их и издал лишь свои чертежи. Но каждый том, каждый рисунок мучил и требовал воплотить его в здания, не позволяя душе художника обрести покой. Пиранези просит у молодого человека десять миллионов червонцев, чтобы соединить аркой Этну с Везувием. Жалея безумца, он подал ему червонец. Пиранези вздохнул и решил приложить его к сумме, собранной для покупки Монблана...

Ночь четвертая

Однажды мне явился призрак одного знакомого — почтенного чиновника, который не делал ни добра, ни зла. Зато он дослужился до статского советника. Когда он умер, его холодно отпели, холодно похоронили и разошлись. Но я продолжал, думать о покойном, и его призрак предстал передо мною, со слезами упрекая в равнодушии и презрении. словно китайские тени на стене, возникли предо мной разные эпизоды его жизни. Вот он мальчик, в доме отца своего. Но воспитывает его не отец, а челядь, она учит невежеству, разврату, жестокости. Вот мальчик затянут в мундир, и

теперь свет убивает и развращает его душу. Хороший товарищ должен пить и играть в карты. Хороший муж должен делать карьеру. Чем больше чины, тем сильнее скука и обида — на себя, на людей, на жизнь.

Скука и обида привели болезнь, болезнь потянула за собой смерть... И вот эта страшная особа здесь. Она закрывает мне глаза — но открывает очи духовные, чтобы умирающий прозрел наготу своей жизни...

В городе устраивают бал. Всем действием руководит капельмейстер. Он как будто собрал все, что есть странного в сочинениях славных музыкантов. Звучит могильный голос валторн, хохот литавр, смеющихся над твоими надеждами. Вот Дон-Жуан насмехается над донной Анной. Вот обманутый Отелло берет на себя роль судьи и палача. Все пытки и терзания сливались в одну гамму, темным облаком висящую над оркестром... Из него капали на паркет кровавые капли и слезы. Атласные башмачки красавиц легко скользили по полу, танцующих подчинило какое-то безумие. Свечи горят неровно, колеблются тени в удушливом тумане... Кажется, пляшут не люди, а скелеты. Утром, заслышав благовест, я зашел в храм. Священник говорил о любви, молился о братском единении человечества... Я бросился пробудить сердца веселящихся безумцев, но экипажи уже миновали церковь.

Многолюдный город постепенно пустел, осенняя буря загнала всех под крыши. Город — живое, тяжело дышащее и еще тяжелее соображающее чудовище. Одно небо было чисто, грозно, неподвижно, но ничей взор не поднялся к нему. Вот с моста скатилась карета, в которой сидела молодая женщина со своим спутником. Перед ярко освещенным зданием остановилась. Протяжное пение огласило улицу. Несколько факельщиков сопровождали гроб, который медленно несли через улицу. Странная встреча! Красавица выглянула в окошко. В этот момент ветер отогнул и приподнял край покрывала. Мертвец усмехнулся недоброю насмешкой. Красавица ахнула — когда-то этот молодой человек любил ее и она отвечала ему душевным трепетом и понимала каждое движение души его... Но общее мнение поставило между ними непреодолимую преграду, и девушка покорила свету. Едва живая, через силу поднимается она по мраморной лестнице, танцует. Но эта бессмысленная фальшивая музыка бала ранит ее, отзывается в ее сердце мольбой погибшего юноши, мольбой, которую она холодно отвергла. Но вот шум, крики у входа: «Вода, вода!» Вода уже подточила стены, проломилась окошки и хлынула в зал... Что-то огромное, черное появилось в проломе... Это черный гроб, символ неизбежности... Открытый гроб мчится по воде, за ним волны влекут красавицу... Мертвец поднимает голову, она касается головы красавицы и хохочет, не открывая уст: «Здравствуй, Лиза! Благоразумная Лиза!»

Насилу Лиза очнулась от обморока. Муж сердится, что она испортила бал и всех перепугала. Он никак не мог простить, что из-за женского кокетства лишился крупного выигрыша.

И вот наступили времена и сроки. Жители городов бежали в поля, чтобы прокормить себя. Поля становились селами, села — городами. Исчезли ремесла, искусства и религия. Люди почувствовали себя врагами. Самоубийцы отнесены были к героям. Законы воспрещали браки. Люди

убивали друг друга, и никто не защищал убиваемых. Повсюду появлялись пророки отчаяния, внушавшие ненависть отверженной любви, оцепенение гибели. За ними пришел Мессия отчаяния. Хладен был взор его, громок голос, призвавший людей вместе испытать экстаз смерти... И когда из развалин вдруг появилась юная чета, прося отсрочить гибель человечества, ей отвечал хохот. Это был условный знак — Земля взорвалась. Впервые вечная жизнь раскаялась...

Ночь пятая

Несколько умов попытались построить новое общество. Последователи Бентама нашли пустынный остров и создали там сначала город, затем целую страну — Бентамию, чтобы воплотить в жизнь принцип общественной пользы. Они считали, что польза и нравственность — одно и то же. Работали все. Мальчик в двенадцать лет уже откладывал деньги, собирая капитал. Девушка читала трактат о прядильной фабрике. И все были счастливы, пока население не увеличилось. Тогда не стало хватать земли. В это время на соседних островах тоже возникли поселения. Бентамцы разорили соседей и захватили их земли. Но возник спор пограничных городов и внутренних: первые хотели торговать, вторые воевать. Никто не умел примирить свою выгоду с выгодой соседа. Споры перешли в бунт, бунт — в восстание. Тогда пророк воззвал к очерстневшему народу, прося обратить взор к алтарям бескорыстной любви. Никто не услышал его — и он проклял город. Через несколько дней извержение вулкана, буря, землетрясение уничтожили город, оставив один безжизненный камень.

Ночь шестая

Странный человек посетил маленький домик в предместье Вены весной 1827 г. Он одет был в черный сюртук, волосы растрепаны, глаза горят, галстук отсутствует. Он хотел снять квартиру. Видно, он когда-то занимался музыкой, потому что обратил внимание на музыкантов-любителей, собравшихся здесь разыграть последний квартет Бетховена. Незнакомец, однако, не слышал музыки, он только наклонял голову в разные стороны, и слезы текли по его лицу. Лишь когда скрипач взял случайную ноту, старик поднял голову: он услышал. Звуки, которые раздирали слух присутствующих, доставляли ему удовольствие. Насилу молодая девушка, пришедшая вместе с ним, сумела отвести его. Бетховен ушел, никем не признанный. Он очень оживлен, говорит, что только что сочинил самую лучшую симфонию, — и хочет это отпраздновать. Но Луизе, которая содержит его, нечего подать ему — денег хватает только на хлеб, нет даже вина. Бетховен пьет воду, принимая ее за вино. Он обещает найти новые законы гармонии, соединить в одном созвучии все тона хроматической гаммы. «Для меня гармония звучит тогда, когда весь мир превращается в созвучие, — говорит Бетховен Луизе. — Вот оно! Вот звучит симфония Эгмонта! Я слышу ее. Дикая битва,

буря страстей — в тишине! И снова звучит труба, ее звук все сильнее, все гармоничнее!»

О смерти Бетховена пожалел кто-то из придворных. Но его голос потерялся: толпа слушала беседу двух дипломатов...

Ночь седьмая

Гости покорились искусству импровизатора Киприяно. Он облакал предмет в поэтическую форму, развивал заданную тему. Он одновременно писал стихотворение, диктовал другое, импровизировал третье. Способность к импровизации он получил совсем недавно. Его одарил доктор Сегелиель. Ведь Киприяно вырос в бедности и тяжело переживал, что чувствует мир, но не может его выразить. Он писал стихи по заказу — но неудачно. Киприяно думал, что в его неудаче виновата болезнь. Сегелиель лечил всех, кто обращался к нему, даже если болезнь была смертельной. Он не брал денег за лечение, но ставил странные условия: выкинуть в море большую сумму денег, сломать свой дом, покинуть родину. Отказавшиеся выполнить эти условия вскоре умирали. Недоброжелатели обвинили его в многочисленных убийствах, но суд оправдал его.

Сегелиель согласился помочь Киприяно и поставил условие: «Ты будешь каждое мгновение все знать, все видеть, все понимать». Киприяно согласился. Сегелиель положил руку на сердце юноши и произнес заклинание. В этот момент Киприяно уже чувствовал, слышал и понимал всю природу — как прозектор видит и чувствует тело молодой женщины, касаясь его ножом... Он хотел выпить стакан воды — и видел в ней мириады инфузорий. Он ложится на зеленую траву и слышит тысячи молотков... Киприяно и людей, Киприяно и природу разделила бездна... Киприяно обезумел. Он бежал из отечества, скитался. Наконец он поступил шутком к одному степному помещику. Он ходит во фризовой шинели, подпоясанный красным платком, сочиняет стихи на каком-то языке, составленном из всех языков мира...

Ночь восьмая

Себастьян Бах воспитывался в доме своего старшего брата, органиста ордруфской церкви Христофора. Это был уважаемый, но немного чопорный музыкант, который жил по-старинному и так же воспитывал своего брата. Только на конфирмации в Эйзенахе Себастьян первый раз услышал настоящий орган. Музыка захватила его целиком! Он не понимал, где он находится, зачем, не слышал вопросы пастора, отвечал невпопад, вслушиваясь в неземную мелодию. Христофор не понял его и очень огорчился легкомыслию брата. В тот же день Себастьян тайком проник в церковь, чтобы понять устройство органа И тут его посетило видение. Он увидел, как трубы органа поднимаются вверх, соединяются с готическими колоннами. Казалось, в облаках проплывали легкие ангелы. Слышен был

каждый звук, и, однако, понятно становилось только целое — заветная мелодия, в которой сливались религия и искусство...

Христофор не поверил брату. Огорченный его поведением, он заболел и умер. Себастьян стал учеником органного мастера Банделера, друга и родственника Христофора. Себастьян обтачивал клавиши, вымеривал трубы, выгибал проволоку и постоянно думал о своем видении. А вскоре он стал помощником другого мастера — Альбрехта из Люнебурга. Альбрехт удивлял всех своими изобретениями. Вот и сейчас он приехал к Банделеру сообщить, что изобрел новый орган, и император уже заказал ему этот инструмент. Заметив способности юноши, Альбрехт отдал его учиться вместе со своей дочерью Магдалиной. Наконец учитель добился для него места придворного скрипача в Веймаре. Перед отъездом он обвенчался с Магдалиной. Себастьян знал только свое искусство. Утром он писал, занимался с учениками, объясняя гармонию. Венерами он играл и пел вместе с Магдалиной на клавикорде. Ничто не могло нарушить его спокойствия. Однажды во время службы к хору присоединился еще один голос, похожий не то на вопль страдания, не то на возглас веселой толпы. Себастьян посмеивался над пением венецианца Франческе, но Магдалина увлеклась — и пением и певцом. Она узнала песни своей родины. Когда Франческо уехал, Магдалина изменилась: замкнулась, перестала работать и только просила мужа сочинить канцонетту. Несчастливая любовь и заботы о муже свели ее в могилу. Дети утешили отца в горе. Но он понял, что половина его души погибла раньше времени. Тщетно пытался он вспомнить, как пела Магдалина — он слышал лишь нечистый и соблазняющий напев итальянца.

Ночь девятая

Когда свершился путь каждого из описанных героев, все они предстали перед Судилищем. Каждый был осужден либо за то, что сделал с собой, либо за то, чего не сделал. Один Сегелиель не признал над собой высшей власти. Судилище потребовало от подсудимого явиться перед собой, но ему отвечал лишь далекий голос из бездны: «Для меня нет полного выражения!»

Скачано с сайта [Краткое Содержание](http://kratkoe-soderjanie.ru).